

Глава 1

Совещание проходило в помещении без единого окна.

Помещение было прямоугольной формы, а окон в нем не имелось, поскольку и наружные стены тоже отсутствовали. Эта комната располагалась внутри просторного квадратного помещения, а то, в свою очередь, находилось внутри восьмиугольного, еще большего по площади. В такой вот матрешке, которая официально называлась блоком S2, и проводились заседания руководства исправительного учреждения «Минерва», расположенного в городе Уинсон, штат Миссисипи. Вместе с другим блоком — изоляционным блоком одиночных камер S1 — S2 считался во всем тюремном комплексе самым защищенным местом. Подобно средневековому замку, он был окружен как бы концентрическими кольцами крепких стен. Авторы проекта все рассчитали так, чтобы этот блок был неприступен. Как со стороны внешнего мира, даже если нападающие будут настроены самым решительным образом, так и изнутри самого тюремного комплекса, случись, чего доброго, отчаянный бунт заключенных.

Фактор безопасности играл, конечно, немаловажную роль, но главной причиной выбора именно этого места встречи было то, что сюда не мог проникнуть ни один человек из посторонних. Это гарантировало совершенную секретность совещания. Остальная часть блока S2 пустовала. Здесь не было никакой охраны. Никаких работников администрации. И все сто двадцать тюремных камер также были свободны. В их использовании не нуждались. И все благодаря курсу, избранному нынешней администрацией. Этот прогрессивный подход являлся предметом ее гордости. И к тому же обеспечивал великолепный пиар.

В помещении находились шесть человек, и за последнюю неделю это было уже третье секретное совещание. Присутствующие равномерно расположились за длинным и узким столом; к пустой белой стене было выдвинуто еще два стула. Вся мебель в комнате была изготовлена из светло-синего поликарбоната, и каждый предмет отлит целиком, без единого соединения или шва. И материал, и сама форма изделий обеспечивали высокую прочность: сломать их было не так-то

просто. А цвет не позволял скрыть какую-либо поврежденную часть. Весьма практично. Хотя и не очень удобно. Мебель эта осталась здесь от прежней администрации.

Трое из присутствующих мужчин были в костюмах. Во главе стола сидел Бруно Хикс, генеральный директор и один из основателей компании «Минерва». По правую руку от него устроился Деймон Брокман, исполнительный директор компании, а также ее учредитель. Рядом с Брокманом расположился Кёртис Ривердейл, начальник тюрьмы. Человек, сидящий рядом с Ривердейлом, последний с этой стороны стола, был в униформе. Его звали Род Мосли, он служил в должности главы Управления полиции Уинсонского округа. На противоположной стороне стола, по левую руку от Хикса, сидели двое; по виду обоим было где-то под тридцать. Оба в черных футболках и джинсах. У одного был сломан нос, под глазами синяки, на лбу яркие лиловые кровоподтеки. У другого левая рука висела на перевязи. Оба старательно прятали глаза.

— Итак, есть ли у нас проблема, или ее нет? — пожимая плечами, спросил Брокман. — Может ли кто-то с полной уверенностью утверждать, что она существует? Нет. Следовательно, надо двигаться дальше согласно утвержденному плану. Слишком многое поставлено на карту, чтобы каждого куста бояться.

— Нет, — покачал головой Ривердейл. — Лично мне представляется так: если проблема возможна, это значит, что она существует. Безопасность прежде всего. Мы должны...

— Мы должны все выяснить наверняка, — подхватил Мосли. — И принять взвешенное решение. Главное, узнать, действительно ли тот человек успел заглянуть в конверт. Именно это мы и должны сделать.

Все продолжали молчать.

— Ну? — Мосли вытянул под столом ногу и пнул ею парня с перевязанной рукой. — Ты что, уснул? Что молчишь?

— Мне надо отдохнуть, — отозвался тот, подавляя зевок. — Мы гнали до Колорадо всю ночь. И целую ночь обратно.

— И что из этого? — Мосли снова пнул его ногой. — Ну, говори. Заглянул он в конверт или нет?

— Мы не знаем, — ответил парень, тупо уставившись в стену.

— Знать, заглядывал он туда или нет, мало, — сказал Ривердейл. — Если заглядывал, мы должны быть уверены, понял ли он то, что там

увидел. И если понял, что собирается с этим делать.

— Заглядывал или не заглядывал... какая разница? — покачал головой Брокман. — Положим, заглянул, и что с того? Там нет ничего такого, что проясняло бы суть дела.

— Там говорится про пятницу, десять утра. Все предельно ясно: и время, и дата, и место.

— И что?! — воздел руки Брокман. — Пятница — прекрасный повод для радости или праздника. Тут нет ничего подозрительного.

— Но там была фотография, — медленно проговорил Ривердейл, подчеркивая каждое слово взмахом указательного пальца. — Восемь на десять. Ее нельзя было не заметить.

— И опять же в ней нет ничего такого, — сказал Брокман и откинулся на спинку стула. — Если, конечно, этот парень не заявится прямо сюда. В пятницу. Но и тогда ничего страшного. Мы все провернули весьма аккуратно.

— Вовсе нет. Да и как можно было? Выбирать-то пришлось всего из девяти.

По лицу Мосли скользнула улыбка.

— Смеетесь вы, что ли? Тот, которого мы выбрали, совершенный дурачок.

— Я бы так не сказал, — бросил на него сердитый взгляд Ривердейл. — И откуда вы взяли девять? Ведь было всего пять. У остальных были родственники. Так что их пришлось исключить.

— Девять... пять... какая разница? — буркнул Брокман. — Количество здесь не имеет значения. Значение имеет только результат. А он получился довольно неплохим. Даже если этот парень сюда и заявится, то насколько близко он сможет к нам подобраться? Не ближе чем на сотню метров.

— А зачем ему заявляться? Он может все увидеть по телевизору. Найти в Интернете. Прочитать в газетах.

— Начальник тюрьмы прав, — согласился Мосли. — Возможно, в данный момент не стоит обращать на это много внимания. Да и средства массовой информации следует исключить. Можно было бы запустить какую-нибудь фиговню насчет того, что нужно, мол, уважать частную жизнь заключенного... что-нибудь в этом роде.

— Незачем, — покачал головой Брокман. — Думаете, у этого типа есть телевизор? Или компьютер? Или он выписывает «Нью-Йорк

таймс»? Помилуйте, он же гол как сокол! Зачем выискивать какие-то проблемы? Здесь их нет.

Хикс побарабанил пальцами по столу.

— Внимание прессы для нашего бренда — довольно неплохо, — произнес он. — Мы всегда стараемся обратить на себя внимание общества. И всегда его получаем. Но если сейчас изменим этот курс, то привлечем к себе еще больше внимания. И люди станут думать, что у нас что-то не так. Однако я все же думаю, нам обязательно надо это узнать. Заглядывал он в конверт или нет? — Хикс повернулся к ребятам в футболках. — Как все-таки вы считаете? Что, по вашему мнению, наиболее вероятно? Мы примем любой ответ. А там уж будь что будет. Мы все понимаем. Ну, говорите, что вы сами обо всем этом думаете.

Парень со сломанным носом раскрыл рот и глубоко вздохнул.

— Думаю, заглянул, — промычал он.

— Думаешь? — переспросил Хикс. — Но не уверен?

— Не на сто процентов.

— Хорошо. Где был конверт?

— В сумке.

— А где была сумка?

— Лежала на земле.

— Ты ее туда положил?

— Мне нужно было, чтобы руки были свободны.

— И где она была, когда приехала машина? — спросил Хикс.

— На земле, — ответил тот, что с перевязанной рукой.

— На том же месте?

— Да кто его знает? Когда Роберт положил ее, меня там не было. А когда я ее поднял, Роберт был без сознания.

Хикс секунду-другую молчал.

— Хорошо, — сказал он. — Как долго этот тип оставался наедине с сумкой?

— Мы не знаем. Но вряд ли долго. Максимум пару минут.

— Значит, заглянуть он мог, это вполне возможно. Хотя бы на секундочку.

— Верно, — кивнул парень со сломанным носом. — Не забывайте, что сумка была расстегнута. Но вот как это случилось и почему? Мы ее не расстегивали.

Брокман наклонился вперед:

— Судя по тому, что вы тут рассказывали, сцена была масштабная. Всюду обломки. Полный разгром. И сумка могла расстегнуться случайно. Но все это нам мало о чем говорит. Кстати, другие двое не докладывали о том, что он заглядывал в сумку.

— Они вообще ни о чем не докладывали, — сказал тот, что с перевязанной рукой. — Мы даже не знаем, где они сейчас.

— Должно быть, еще на пути обратно, — сказал Брокман. — Вероятно, какие-то проблемы со связью. Но если бы причины для беспокойства действительно были, они бы нашли способ нам сообщить.

— И тот тип полиции ничего об этом не сказал, — вставил Мосли. — А это кое-что значит. Я уже пару раз разговаривал с тамошним лейтенантом.

— А я все-таки думаю, что он в конверт заглянул, — сказал парень со сломанным носом.

— Надо дать отбой, — решил Ривердейл.

— Чушь собачья! Ты умнее ничего не мог сказать? — вскинулся Брокман. — Не мы устанавливали дату. Не мы назначали время. А судья, когда подписывал постановление об освобождении. Вам это прекрасно известно. Если будем, черт побери, все время тянуть кота за хвост, то погрязнем во всяких проверках. Вы же понимаете, к чему это приведет. Тогда уж лучше сразу выстрелить себе в башку.

— Я не говорю, что надо все отложить, — нахмурился Ривердейл. — Просто считаю, что надо вернуться к первоначальному плану. Уход от него был ошибкой.

— Это решило бы нашу пятничную проблему. Если она и вправду существует. Зато потом нам будет не выбраться из более серьезной ситуации. Ситуации с Карпентером, в которой мы завязли.

— Я с самого начала говорил, что решить ее проще пареной репы. Пулю в затылок — и все дела. Хотите, сделаю это сам, если вы такой щепетильный?

— А вам известно, чего нам это будет стоить? Какой бизнес мы потеряем? Сколько денег?

— Если этот тип поймет, что к чему, мы потеряем нечто гораздо большее. Больше, чем деньги.

— Но как он сможет это понять?

— Он может явиться сюда. Вы же сами сказали. И что-нибудь тут обязательно нароет. Он служил в военной полиции. Это у него в крови.

— С тех пор как он там служил, много воды утекло, — сказал Мосли. — Вот что мне сказал лейтенант.

Хикс продолжал барабанить пальцами по столу.

— Что еще мы о нем знаем? — спросил он.

— Не так уж много. У него нет водительских прав. В Службе налогообложения нет сведений о том, что он где-то работает. С тех пор, как он уволился из армии. В социальных сетях не зарегистрирован. Свежих фотографий не существует. Сейчас он просто бродяга. Как ни печально, но больше добавить нечего. По всему, особо беспокоиться не о чем.

— Бродяга или миллионер, какая разница? Он что, сумасшедший — ни с того ни с сего проехать полстраны только потому, что заглянул в какие-то бумаги и увидел безобидную фотографию?

— Думайте себе что хотите, но меня это все-таки беспокоит, — вздохнул Ривердейл. — Всякий раз, когда мы встречались, мы думали, что проблема решена. И всякий раз ошибались. Что, если мы ошибаемся и сейчас?

— Мы не ошибались! — хлопнув ладонью по столу, заявил Брокман. — С каждой ситуацией, по мере ее возникновения, мы успешно справлялись. В девяносто девяти процентах случаев.

— В девяносто девяти. Но не в ста.

— В жизни не бывает все идеально. Иногда стаканы бьются, и приходится убирать стекло. Что мы и делали. Мы обнаружили, где у нас утечка. И заткнули ее тем способом, с которым все согласились. Мы узнали про пропавший конверт. И вернули его опять же тем способом, с которым все были согласны.

— А теперь вдруг узнаём, что этот чудак успел сунуть в него нос.

— Гипотетически. Наверняка мы этого не знаем. Но вы должны согласиться с тем, что это маловероятно. Полицейским он ничего не сказал. Нам это точно известно. И ничего не сказал сотрудникам ФБР, как и сотрудникам Федерального бюро тюрем. Мы бы об этом уже знали. Предположим, что за пару секунд, пока он держал конверт в руках, этот тип все понял. Зачем ему запоминать эту информацию? Что ему с ней делать? Шантажировать нас? Вы серьезно считаете, что он

станет тащиться сюда тысячу двести миль, чтобы быть здесь в пятницу? Бросьте!

— Джентльмены! — Хикс снова хлопнул ладонью по столу. — Хватит уже. Достаточно. Вот мое решение. Заглядывал ли тот тип в конверт, мы не знаем. Это крайне маловероятно, так что не будем паниковать. Особенно если учитывать последствия. Но осторожность тоже не повредит. Нам ведь не трудно будет его узнать?

Парень со сломанным носом кивнул.

— Конечно, — согласился он. — Мимо такого не пройдешь. Ростом шесть футов пять дюймов, не меньше. Вес фунтов двести пятьдесят. Весь обросший.

— Не забудьте, что он довольно сильно зашибся, — вставил тот, что со сломанной рукой. — Уж я об этом позаботился.

— Лучше бы уж сразу пришиб, — проворчал Брокман.

— Я думал, что так оно и было.

— Почему не проверил?

— Но как? Ведь вы сами приказали тем двоим: сделать все так, будто это несчастный случай. Думаю, они тоже старались вести себя с ним соответственно. Трудно выдать все за несчастный случай, если бы я вогнал пулю ему в башку.

— Ну все, хватит! — прервал его Хикс, и все замолчали. — Вот вам мой план. Установим наблюдение. Круглосуточное. Начиная с этой минуты и в течение всей субботы. Если он сунет нос в наш город, подождем. Здесь не надо беспокоиться о том, как все выглядит.

Глава 2

Джек Ричер прибыл в город Джеррардсвилл, штат Колорадо, в понедельник утром, за два дня до того, как люди из «Минервы» в третий раз сошлись на свое тайное совещание. Добирался он на попутном грузовике, доставлявшем тюки с люцерной на ферму, расположенную неподалеку к югу от города, и последнюю милю преодолел пешком. Прогулка доставила ему большое удовольствие. Погода стояла теплая, но не жаркая. Над головой простиралось синее небо, по которому медленно плыли белые облака. На высоте мили над уровнем моря воздух был свеж и прозрачен. Вокруг раскинулась покрытая зелеными посадками плодородная равнина. Границы тянувшихся до горизонта полей обозначались опорами для поливочных труб, а между ними к солнцу стремились стебли с листьями самых разных оттенков и размеров. Слева горизонт был перекрыт горной грядой. Горы вздымались прямо из земли, без каких-либо пологих предгорий или холмов, и покрытые шапками снега вершины, словно зубцы пилы, вонзались в синее небо.

Ричер шел и шел себе по дороге, которая привела его к главной улице городка. Она тянулась примерно с полмили, и всего лишь через квартал магазины и офисы с обеих сторон уступили место жилой застройке. Здания коммерческого назначения почти не отличались друг от друга — все двухэтажные и явно построенные по одному проекту. Возраст их тоже был одинаков: судя по датам, вырезанным под самой крышей, эти дома возвели в конце XIX века. Казалось, с тех самых пор время здесь застыло навсегда. То самое время, когда дорожили мастерством в любом ремесле: фасады были сложены из известняка, мрамора или гранита; двери и окна украшены искусной резьбой, покрытой позолотой. Все это содержалось в безупречном порядке. Ричер высоко оценил то, что предстало перед его взором. Но явился он в этот город вовсе не для того, чтобы любоваться его архитектурой. Он пришел сюда с намерением посетить местный музей.

Накануне в одной закуской Ричеру попала в руки оставленная кем-то газета. Он наткнулся на статью, посвященную некоему зубному врачу и его металлоискателю. Этот прибор друзья и коллеги подарили

доктору в день его выхода на пенсию. Подарок носил шуточный оттенок, поскольку дантист славился тем, что, обнаружив в зубах своих пациентов поставленные другими его коллегами металлические пломбы, убеждал их в том, что эти пломбы необходимо извлечь и заменить новыми. И вот, чтобы как-то занять свалившееся на него свободное время, этот человек вдруг обнаружил в себе задатки археолога-любителя. Доктор давно уже увлекался историей Гражданской войны и теперь, имея в руках металлоискатель, принялся посещать одно за другим многочисленные места баталий. И крупных столкновений, и незначительных, известных и не очень. Например, под городом Пи-Ридж в штате Арканзас, где произошло одно из сражений, он обнаружил довольно много артефактов, имеющих отношение к артиллерии, не говоря уже о других находках. Данные артефакты попали на передвижную выставку, посвященную эволюции военной тактики армии юнионистов^[1]. Именно это событие привлекло внимание Ричера. Сейчас передвижная выставка открыла свою экспозицию в городке Джеррардсвилл. А поскольку до него было всего несколько миль и экспозиция еще не закрылась, Ричер решил на нее взглянуть.

По дороге он завернул в кафе, выпил чашечку кофе и до музея добрался еще до полудня. И пробыл в нем до самого закрытия. Одной из сотрудниц музея даже пришлось его выпроваживать. Звали ее Александра. Ричер разговорился с ней о выставке. Мало-помалу разговор перешел на городские ресторанчики и прочие подобные заведения, и они закончили тем, что вместе отправились перекусить гамбургерами. Александра привела его в довольно неряшливую забегаловку, с деревянными, грубо сколоченными столиками. Длинными скамейками. Скрипучими полами. И украшенными старыми долгоиграющими пластинками стенами. Но еду подали быстро. Тарелки были наполнены доверху. И стоило это удивительно дешево. Ричеру тут очень понравилось.

За едой разговор перешел на музыку, и, перекусив, они отправились прямо в бар. Небольшой. Уютный. Здесь царил полумрак. Играл живой оркестрик, который в основном исполнял блюзы. Репертуар главным образом Мэджика Слима^[2], разбавленный кое-какими песенками Хаулина Вулфа^[3]. Ричеру и это очень понравилось. Александра заказала два пива, а за пивом тема разговора снова

сменилась. На этот раз радикально. И привела их прямиком в квартиру Александры.

Квартирка ее располагалась над магазином, неподалеку от главного перекрестка города. Совсем маленькая. Обставленная в минималистском стиле. Ну что касается мебели. А также декора. Но там все же имелся холодильник, так что они выпили еще пива. Проигрыватель компакт-дисков здесь тоже оказался, поэтому они еще немного послушали музыку. Была в квартирке и спальня. И как только они до нее добрались, больше им уже ничего не понадобилось.

Глава 3

Музей открывался только в десять утра, поэтому Ричер и Александра до самой последней минуты провалялись в постели. Правда, нельзя сказать, что все это время они провели во сне. Когда Александра поняла, что опаздывает на работу, она вскочила и побежала в ванную. После того, что они с Ричером вытворяли совсем недавно, без душа было не обойтись, в этом она не сомневалась. А Ричер тем временем сварил кофе. Потом Александра поцеловала его на прощание и поспешила в музей — охранять выбранный ею кусочек далекого прошлого. Ричер тоже принял душ, но уже спокойно, не торопясь, потом спустился по лестнице и вышел на тротуар. Интересно, думал он, что готовит ему этот город в ближайшем будущем. На секунду Ричер остановился, полюбовался горным хребтом вдалеке. Потом увидел женщину, шагающую в том же направлении, куда был устремлен его взгляд. Она шла по другой стороне улицы, на запад, и уже почти приблизилась к перекрестку. На светофоре красным горела надпись «Стойте». На противоположном углу стоял какой-то человек и тоже ждал, когда можно будет перейти улицу. А к северу двигался автобус; еще каких-нибудь несколько секунд — и он проедет между ними.

Сидящая за рулем автобуса женщина увидела впереди какое-то движение.

Перед ее глазами мелькнуло некое размытое пятно, не более того. Справа и довольно низко. Нечто округлое. Оно прочертило траекторию в четверть идеальной окружности. Как будто дыня, непонятно как прикрепленная к концу веревки, — так показалось водителю и так она объяснила на следующий день допрашивающему ее полицейскому. Только это была не дыня. Это была голова. Человеческая. Голова женщины. Мелькнувшая всего в нескольких дюймах от ветрового стекла. Именно так. Ярко освещенная солнечным светом и бледная, словно голова призрака. А потом пропала. Но не потому, что привиделась. Не потому, что так показалось водителю, хотя та Бога молила, чтобы это было именно наваждение. А потому, что голова

вместе с телом продолжила свой полет. И тело упало на асфальт. Прямо перед автобусом.

И закатилось под него.

Сидящая за рулем женщина рванула руль влево. Всем своим весом дала по тормозам. Ни секунды не колеблясь. Не паникуя. Она была опытным водителем. Уже много лет крутила баранку. Но все равно было уже слишком поздно. Завизжали по асфальту шины. Заорали пассажиры. Она ощутила удар. Он передался ей через рулевое колесо. Приглушенный, дрожью пробежавший по твердому пластиковому ободу. Потом толчок, но гораздо мягче, чем если бы она проехала по глубокой яме. Или въехала, скажем, в бревно. Но, с другой стороны, в асфальте ведь не может быть костей. Которые бы с таким хрустом ломались и дробились. А у бревна нет таких органов, которые бы так лопались и брызгали кровью.

Женщина-водитель закрыла глаза и силой воли подавила подступающую рвоту. Она понимала, какое зрелище ее ждет, когда она выйдет из автобуса. Однажды ей уже довелось побывать невольным соучастником одного человека, решившего совершить самоубийство. Увы, таковы издержки ее профессии.

Человек, стоявший на противоположном углу, заметил гораздо больше.

Он видел автобус, который ехал на север. Видел женщину, которая подошла к юго-восточному углу перекрестка. У этого человека был прекрасный обзор. Он находился достаточно близко, и его словам можно было доверять. А по его словам выходило, что попавшая под колеса автобуса женщина была чем-то сильно взволнована. Даже, казалось, нервничает. Вот она посмотрела на часы. Сначала человек подумал, что она куда-то спешит. И собирается перебежать через улицу чуть ли не под носом автобуса. Но нет, перебегать не стала. Остановилась. И стояла, нервно поеживаясь и переступая с ноги на ногу, пока автобус не подъехал уже совсем близко, оказавшись почти рядом с ней. Пока у водителя не осталось никакой возможности притормозить или свернуть в сторону.

А потом эта женщина нырнула прямо под колеса.

Нырнула сама. Свидетель нисколько в этом не сомневался. Она не оступилась и не споткнулась. Не упала случайно. Она сделала это

намеренно. Он судил по времени, в течение которого все происходило. По ускорению движения ее тела. По траектории кривой, им проделанной. Во всем этом видно было определенное намерение. Это никак не могло быть случайностью. Она сделала это умышленно. Другого объяснения происшедшему он не видел.

Ричер был единственным человеком, кто видел всю картину происшествия целиком.

От перекрестка он находился футах в пятидесяти. Обзору его также ничто не мешало, и угол обзора был более широким. Джек видел все: и женщину, и стоящего напротив нее через улицу и ждущего перехода человека. А еще он видел некоего третьего. Это был мужчина. Ростом примерно пять футов десять дюймов. Крепко сбитый. В серой толстовке с капюшоном и в джинсах. Он стоял на той же стороне улицы, что и женщина. Футах в восьми от нее. И в футах от проезжей части. Стоял совершенно неподвижно.

Свое место этот человек выбрал тщательно. Ричеру это было совершенно ясно. Он находился в непосредственной близости к пешеходному переходу и вместе с тем не привлекал к себе особого внимания: ну прогуливался человек без цели по улице и зачем-то остановился. От женщины он стоял достаточно далеко, и не создавалось впечатления, будто он каким-то образом с ней связан. Но, с другой стороны, был достаточно близко, и, когда автобус подъехал, мужчине оставалось сделать каких-нибудь два-три больших шага, чтобы оказаться с ней рядом. Движения его были четкими. И быстрыми. Они походили скорее на движения тени или призрака, нежели человека во плоти. Когда он возник рядом с женщиной, она его даже не заметила. Не заметила, как его нога змеей скользнула перед ее лодыжками.

Потом этот человек положил ладонь ей между лопатками и толкнул. Слегка, без особых усилий. Оптимально расчетливо. Так, чтобы не бросалось в глаза. Незаметно для посторонних. Но как раз достаточно, чтобы достичь цели. Чтобы наверняка. Чтобы она обязательно споткнулась, потеряла равновесие и врезалась прямо в передок автобуса. И не смогла отделаться лишь сломанными костями и сотрясением мозга. Незнакомец позаботился об этом, выставив ногу. Она помешала женщине быстро переступить, вновь обрести

равновесие и не упасть. Поэтому она, взмахнув руками, резко качнулась вперед, в то время как ноги ее оставались на месте. Удар, и она всем телом с размаху шлепнулась на асфальт.

Резкий удар вышиб из нее дух. И больше она не сделала ни единого вдоха. Потому что буквально через полсекунды переднее колесо автобуса наехало ей на живот и раздавило его так, что он стал плоским, как сложенная газета.

Глава 4

Автобус застыл на месте под углом к краю тротуара — словно какой-нибудь пьяный юнец угнал его, а когда надоело кататься, бросил и убежал. Передняя часть автобуса частично перекрыла перекресток. Ричер увидел, как номер маршрута на электронном табло над входной дверью сменился письменным сообщением: «Вызвать полицию». Еще он увидел ноги мертвой женщины. Они торчали из-под автобуса где-то посередине между передними и задними колесами. Одна из кроссовок с ноги соскочила. Человек, который ее толкнул, быстро достал из заднего кармана джинсов черный пластиковый мешочек для мусора. Встряхнул, чтобы мешок раскрылся. Присел на корточки перед ее босой ногой. Сунул руку под автобус. Что-то там схватил и вытащил. Ричер сразу понял, что это принадлежавшая женщине сумка. Человек сунул ее в мешок для мусора. Встал. Поправил капюшон. И зашагал по направлению к югу. Его фигура становилась все меньше и наконец исчезла.

Ричер по диагонали перебежал через улицу к автобусу. На тротуаре уже толпились зеваки. Люди выскакивали из магазинов, кафешек и офисов, всем хотелось поглазеть на мертвое тело. Какой-то человек в костюме остановил машину и тоже вышел, чтобы получше все разглядеть. Но на человека в капюшоне никто не обратил внимания. Его уже совсем заслонила растущая толпа. Ричер пробирался сквозь нее, расталкивая людей по сторонам, одного даже двинул по заднице. Человек в капюшоне уже миновал последние ряды любопытствующих. Прибавил шаг. Ричер продолжал двигаться вперед, еще энергичнее проталкиваясь сквозь толпу. Проскочил в щель между последними двумя зеваками и перешел на бег. Человек в капюшоне сейчас был впереди, футов в шестидесяти. Ричер сократил разрыв до пятидесяти. До сорока пяти. Потом преследуемый, должно быть, услышал за спиной приближающиеся шаги. Бросил быстрый взгляд через плечо. Увидел бегущего за ним Ричера. И тоже бросился бежать, сжимая в руке черный пакет для мусора. Другую руку сунул под капюшон. Наверное, щелкнул по наушнику. Пролаял пару отрывистых фраз. И юркнул в уходящий влево переулок.

Ричер продолжал бежать, пока не оказался в паре футов от поворота в переулок. Остановился. Прислушался. Ничего не услышал и тогда присел на корточки, пробрался вперед и осторожно заглянул за угол. Если у этого типа в руке окажется пушка, целиться он будет на уровне головы. А если нож — изготовится для удара в живот. Но никакой угрозы Ричер перед собой не увидел. Ничего и никого вообще. Тогда он встал на ноги и шагнул вперед. Переулок отличался удивительной чистотой. Стены прилегающих одно к другому зданий были сложены из светлого кирпича. Ровненькие и опрятные. Никаких надписей или рисунков. Ни единого окошка в первых этажах не разбито. Пожарные лестницы недавно покрашены. По обеим сторонам выстроились мусорные баки. На одинаковом расстоянии один от другого. Зеленого цвета. Или синего. Все без исключения с крышками. Ни один не переполнен мусором, и на земле вокруг них не валялось ни единой бумажки.

Человек в капюшоне стоял в тридцати футах впереди. Стоял с левой стороны, прижавшись спиной к стене. Стоял совершенно неподвижно, а мусорный пакет лежал на земле у его ног. Ричер двинулся к нему. Сократил расстояние до двадцати футов. Человек поднял нижний край толстовки. Из-за пояса у него торчала прямоугольная рукоятка пистолета.

— Не двигайся, — сказал он. — Стой, где стоишь.

Ричер не послушался, продолжал идти вперед. Сократил расстояние до десяти футов.

Рука незнакомца зависла над рукояткой пистолета.

— Стой, говорю, — повторил он. — Держи руки так, чтобы я их видел. Я не хочу, чтобы кто-то сейчас пострадал. Мне этого не надо. Давай просто поговорим.

Ричер сократил расстояние до четырех футов.

— Если не считать кое-кого еще, — сказал он.

— Что? — переспросил человек в капюшоне.

— Кое-кто уже пострадал. Женщина, которую ты толкнул. Этого тебе надо было?

Человек раскрыл рот, снова закрыл и ничего не ответил.

— На землю, — приказал Ричер. — Руки за голову.

Человек в капюшоне никак не отреагировал.

— Возможно, нужды в том, чтобы кто-то еще пострадал, и нет, — продолжал Ричер. — Я имею в виду тебя. Но все зависит от того, как ты станешь себя вести.

Человек в капюшоне схватился за пистолет. Быстро. Но недостаточно быстро. Ричер схватил его за запястье, рванул его руку вправо и развернул парня лицом к стене.

— Не надо! — взвизгнул парень. — погоди. Что ты делаешь?

— Хочу посмотреть, понравится ли тебе кое-что, — отозвался Ричер. — Жаль, правда, что нет автобуса. Зато есть кирпичная стенка. Придется ей поработать.

Ричер отпустил его запястье. Поднял руку. Положил ладонь ему между лопатками. И толкнул. Толчок оказался чудовищным. Свирепым. Яростным. Намного больше, чем требовалось. Человек попытался хоть как-то увернуться, но у него не было шансов. Сила толчка была умопомрачительно огромна. Он врезался в стену лицом. Ноги его подкосились, словно у него внутри вдруг расплавились все кости, и рухнул на землю. Из царапин на лбу хлынула кровь. Нос был сломан. Возникла серьезная опасность, что он задохнется. Или захлебнется собственной кровью. Однако ни то ни другое Ричера не слишком волновало.

Глава 5

План Ричера был таков: закинуть этого типа себе на плечо и отнести обратно к автобусу. Как раз к тому времени и полиция подъедет. Но потом он поднял тот самый пакет для мусора и решил немного повременить. Внутри пакета — сумка этой женщины. А в сумке наверняка лежит нечто такое, за что можно убить человека. В армии Ричер тридцать лет занимался расследованием преступлений. Привычка — вторая натура, она живет долго. Да и полицейских сирен еще что-то не слышно. Кое-какое время у него еще есть.

Ричер подобрал упавший на землю пистолет и сунул себе за пояс. Потом подтащил парня поближе к стенке, пристроил в устойчивом положении к ней спиной и начал с его карманов. Не нашел ничего такого, где, как он надеялся, было бы указано его имя или адрес, зато обнаружил связку ключей. Выбрал самый острый и с его помощью отрезал от верхнего края пакета парочку прочных широких полосок. Связал ими руки парня и достал из пакета сумку. Квадратная, примерно восемнадцать на восемнадцать дюймов, из искусственной кожи, рыжевато-коричневого цвета, с длинным и узеньким ремешком, чтобы носить на плече, а также с обычными ручками. Одна сторона испачкана кровью. Молния сумки застегнута. Ричер открыл ее. Порылся внутри. Сначала вынул бумажник. В нем обнаружилось водительское удостоверение штата Миссисипи на имя Анжелы Сен-Врен и домашний адрес в городке под названием Уинсон. Три доллара в трех банкнотах. Пачка квитанций из супермаркета и аптеки. И фотография Анжелы с маленькой девочкой. Года три на вид. Очень похожей на Анжелу. Мама и дочка. Сомневаться в этом не приходилось.

Ричер положил бумажник на землю и еще раз порылся в сумке. Достал ламинированную карточку на голубом шнурке. То есть пропуск на работу. Анжела работала в тюрьме под названием «Исправительное учреждение „Минерва“», которая располагалась в Уинсоне, штат Миссисипи. Потом он нашел расческу, набор для макияжа и другие личные вещи. Связку из трех ключей. А также конверт. Обычный, дешевый конверт. Почтового размера. Но адресованный какому-то

другому человеку. Некому жителю города Уинсон, штат Миссисипи, по имени Дэнни Пил. Конверт не был запечатан.

В конверте лежала черно-белая фотография, какие снимали раньше для документов, и пачка бумаг. На фотографии лицо молодого человека. Лицо вытянутое, осунувшееся, густые волосы коротко подстрижены. Стрижка сделана совсем недавно, подумал Ричер, судя по тому, что сквозь волосы просвечивает бледная кожа черепа. Он обратил внимание на глаза. Близко поставленные, широко открытые, словно парень был чем-то слегка напуган и даже немного растерян. И у этого парнишки была еще одна необычная черта. Отсутствовала одна мочка уха. Левая. Похоже, ее кто-то отрезал. Край уха был прямой и грубо шероховатый, а от него по шее тянулся уходящий к затылку шрам. Сделано опасной бритвой, подумал Ричер. Кто-то ударил парнишку бритвой по горлу, но тот, видимо, успел нырнуть под руку нападавшего и уклонился от рокового удара. Однако проделал это недостаточно быстро и в результате остался шрам. Но паренек все же избежал смерти. Как-то так.

Бумаги в пачке разделились на две группы. На документах из первой стоял штамп «Департамент исправительных учреждений штата Миссисипи», и в них содержалось жизнеописание человека по имени Антон Бегович. Впрочем, описывался только взрослый период его жизни. Там сообщалось, что в возрасте восемнадцати лет Бегович попал в одну неприятную историю. Оказался замешан в краже со взломом. А также в целой куче других правонарушений. Тяжесть обвинений выросла до такой степени, что он оказался за решеткой. Развитие событий достаточно предсказуемое и неизбежное. А в тюрьме дела у него пошли еще хуже. Не прошло и трех лет, как он оказался в одиночной камере. И провел в ней следующие семь лет. Но второй пакет документов сообщал о том, что жизнь Беговича вдруг изменилась к лучшему.

Перемена совпала с тем, что тюрьма, в которой он сидел, перешла под управление компании под названием «Минерва». Где как раз и работала Анжела. Из одиночки Беговича вернули в обычные условия содержания. Поведение его также изменилось к лучшему. Администрация исправительного учреждения ходатайствовала об апелляции. Дело в том, что в руках у полиции оказалось признание одного громилы, лежащего на смертном одре, в совершении

преступлений, которые повесили на Беговича. Обнаружилось, что следователь, состряпавший это дело, десять лет назад покончил с собой, по уши погрязнув в игорных долгах. И судья принял решение выпустить Беговича на свободу. Освобождение ожидалось в самом скором будущем. Согласно последнему документу, Беговича должны были освободить в ближайшую пятницу в десять утра.

Ричер отправил фотографию и бумаги обратно в конверт. Конверт положил в сумку, туда же погрузил и остальные вещи Анжелы. Застегнул молнию и сунул сумку в пакет для мусора. Потом развязал руки своего пленника, а пластиковые узы сунул ему в карман. А сам стал размышлять о содержимом конверта. О трагической истории ошибочно осужденного человека. Интересно, какое отношение к этой истории имеет Анжела? И тут он вспомнил еще об одной трагедии. О той самой, что сейчас только начиналась. Что же теперь будет с маленькой девочкой на фотографии в бумажнике? С дочерью Анжелы, которая теперь будет расти без матери.